

*Посвящаю Стиву —
за безграничную веру в мои силы*

Фотография — это секрет в секрете. Чем больше она открывает, тем меньше вам известно.

*Диана Арбус (1923–1971),
американский фотограф*

Тогда

Когда моей сестре было двенадцать лет, она провалилась в могилу.

Мы гуляли одни на безлюдном кладбище. Из земли во все стороны торчали старые надгробия. Трава была сухая, такого же соломенного цвета, как ее волосы. Помню это ужасное трепыхание у себя в груди. Конечно, я пыталась вытащить сестру из свежеврытой могилы, но смогла лишь едва дотронуться до ее руки кончиками пальцев.

Она сидела в яме и смеялась.

Мне было пять.

Сестра обожала гулять на кладбище в Уэтерфорде, Техас. Там был похоронен Питер Пэн, хотя на надгробии значилось «Мэри Мартин Холлидэй». А еще некто по имени Джимми Элизабет и девочка Софрония — так же зовутся фиолетовая орхидея, английская ночная бабочка и персонаж из книги Чарлза Диккенса. Обо всем этом мне рассказала сестра. Она хотела назвать Софронией свою первую дочь (сокращенно — Софри или Фроня).

Покойников на кладбище было множество. Сотни. Миллионы костей лежали под нашими детскими ножками, беззаботно скакавшими прямо по могилам.

«Смерть пришла к ней, как летний сон» — было начертано на одной из древних, побелевших от времени могильных плит. Остальные слова эпитафии я не помню, хотя сестра каждый раз зачитывала ее целиком.

Я побежала за бабушкой, дом которой стоял в полумиле от кладбища.

Тем временем сестра сумела выбраться из могилы — на ней не было ни царапинки.

Очевидно, именно тогда, в тот самый миг, на нее легло проклятие. Семь лет спустя она исчезла — словно кто-то сбросил лассо с небес и утащил мою сестру к себе.

И именно в тот день меня начали преследовать страхи.

Теперь

— Ты вообще кто такая?!

Ставлю ферзя ближе к его королю.

— Ты уже знаешь.

Правой — здоровой — рукой он смахивает с доски все фигуры. Одним стремительным движением. Шахматы падают, прыгают по ковровину, закатываются в углы, припорошенные вековой пылью. Я не обращаю на это внимания. Умею держать себя в руках. Такую же невозмутимость хранит глухая старушонка, что сидит рядом со мной и вяжет бесконечный синий шарф. Или зеленый. Или розовый, или золотой... Он может быть любого цвета.

Спиц у нее нет. Морщинистые руки методично вяжут воздух, и невидимая работа гармошкой складывается на коленях. На редких серебристых волосах, торчащих из ее черепушки, криво-косо сидит белая фата.

Над головой старухи висят пластиковые часы. Всякий раз, когда я сюда прихожу, мне хочется сорвать их со стены. Время не имеет никакого значения для жильцов этого дома. Нет смысла думать о том, что осталось по другую сторону входной двери о трех замках. Нет смысла вспоминать собственные кошмарные преступления и лю-

дей, которые давно тебя не навещают. Подумаешь, в прошлой жизни ты ненавидел перезревшие бананы и трескучий зрительский смех из сериала «Я люблю Люси». Теперь ты все равно сидишь тут, ешь первое и смотришь второе.

Интересно, о чем думает Карл. Хочет меня убить? Мне двадцать четыре, как раз подхожу. Белокожая. Стройная. И похожа на сестру, говорят. Разница лишь в том, что она светилась изнутри. Она была бойкая. Храбрая. Прирожденная актриса. Людей к ней тянуло. Они души в ней не чаяли. Карла тоже притянуло — и он лишил ее жизни.

Быть может, он принимает меня за ее призрак.

Я всего лишь дублерша, Карл. Муляж, начиненный динамитом, запрограммированный на месть. Стою за кулисами и дрожу перед выходом на сцену. Скоро мы с тобой сыграем главные роли в этом спектакле.

Всякий раз я оказываюсь для Карла незнакомкой — или он врет? Он еще ни разу меня не узнал. И имени моего не помнит. Отказывается отвечать на вопросы о том, почему носит рождественский галстук с мордой Гринча в июне, где купил свои древние сапоги свинцового цвета и куда они носили его в последний раз. Такие сапоги наталкивают на мысль о прекрасных горных видах. Я представляю, как крепко стою на вершине опасного утеса, а передо мной на многие мили раскинулась красота.

Болтовня о сапогах его не впечатляет, равно как Уолт Уитмен и Джон Гришэм, которых я читаю ему у единственного солнечного окошка этого дома, как и анекдоты про говорящих коров, которые я травлю на прогулках по окрестностям. Я делаю для Карла то, что люди обычно делают для любимых. Сегодня

в блинной «АЙХОП» я наблюдала, как он топит оладьи в клубничном сиропе и режет

их ножом на мелкие кусочки. Меня так и подмывало спросить: *Сироп напоминает тебе кровь?*

Он думает (и хочет, чтобы все так думали), будто его глаза — окна в черную вселенную, куда остальным путь заказан. Но меня не так-то просто одурачить. Интересно, что он видит в моих глазах? Что-то знакомое?

Он превосходный актер, говорилось в одном из свидетельских показаний.

В данный момент Карл невинным и одновременно зловещим жестом пытается намекнуть мне, что по-прежнему полон сил. Что его рано списывать со счетов. Я и так это знаю. Не зря так долго его изучала. Взвешивала риски. Пока он мылся в душе, я даже обыскала его комнату и нашла тайник — в помятом чемодане под кроватью. Там были красные резиновые эспандеры, которыми он качает маленький узловатый бицепс на правом предплечье, и десятифунтовые гири. Острый складной ножик и серебряная зажигалка с выгравированной на боку «Н». Вместе с единственной сигаретой она лежит в кармашке на молнии.

За подкладку чемодана аккуратно спрятана фотография 8x10. Когда она была сделана — неизвестно. Может, в 1920-м, а может, в наши дни. Карл как фотограф (его книга сюрреалистических снимков «Путешествие во времени» однажды вошла в список бестселлеров) специализировался на безвремяе. Уголки фотографии замялись, и белый след сгиба делит на две ровные части молодую девушку, стоящую посреди иссушенной ржавой пустыни.

На шее у девушки висит крошечный серебряный ключик. Такой же ключик, но на длинной цепочке, я видела на груди у Карла — он прятал его среди поседевших кудрей под футболкой,

подальше от любопытных глаз. Однажды подвеска случайно выскользнула из укрытия и повисла над шахматной доской, тогда-то я ее и заметила. Мог ли ключик принадлежать одной из жертв?

Серийные убийцы, разгуливающие на воле, рано или поздно стареют. Я много об этом думала. Они тоже люди и вполне могут устать. Ощутить острую потребность лелеять розы или внуков. Сломать бедро или перенести insult. Стать импотентами. Потерять все сбережения. Попасть под машину. Пустить себе пулю в лоб, наконец.

Убийцы, которые однажды публично победили систему, невидимые монстры, сумевшие уйти от преследования, — это едва слышный, пульсирующий музыкальный фон. Скрипят гобои, ударные глухо отбивают ритм. Мало кто услышит этот саундтрек, разве что в самом конце, когда будет уже поздно.

Мне потребовалось очень-очень много времени, чтобы найти предполагаемого убийцу сестры. Годы. Десятки бесед. Сотни подозреваемых. Тысячи документов. Я читала, выслеживала, подсматривала, воровала. Это было моим единственным хобби, единственной страстью с двенадцати лет — когда моя старшая сестра пропала среди бела дня, так и не одолев трех миль до соседского дома, где ее просили посидеть с детьми.

Было утро. Ее дожидались два милых маленьких мальчика, Оскар и Тедди Паркеры. Трудно поверить: сейчас они уже старшеклассники. Несколько месяцев назад их мама прислала мне эссе, которое Оскар написал для поступления в университет. Она выразила надежду, что ее письмо не причинит мне боли.

Ну, не знаю. Открывать письмо сразу я не стала.

Оскар явно упомянул в эссе мою сестру. Я засунула листок под зеркало в ванной. Мне

претила мысль о том, что какая-то приемная комиссия будет оценивать и критиковать жизнь Рейчел.

Целый месяц я собиралась с духом. *Мир стал другим*, писал Оскар. *Мне было всего пять лет, но после ее исчезновения мир стал другим. Все изменилось. Браслет, который мы сплели вместе, я носил на руке несколько лет подряд, не снимая, пока он в буквальном смысле не истлел. Все остальные няньки в подметки не годились Рейчел. Да и остальные девушки, если уж быть совсем честным. Никакие слова больше не способны внушить мне чувство безопасности, однако всякий раз, когда надо взять себя в руки и быть смелым, я вспоминаю ее имя. Именно из-за нее я решил изучать уголовное право.*

Я часто задумывалась о том, как глубоко смерть сестры повлияла на нашу семью. На меня. Я стала ощущать себя иначе, даже мое тело изменилось, словно бы все клетки организма подверглись химическому переустройству, навеки перейдя в режим повышенной боевой готовности.

Но я ни разу не думала о том, как тяжело пришлось двум маленьким мальчикам, которые часто просили ее почитать «Гарри Поттера», потому что она классно изображала персонажей. Когда в 9.22 мне позвонила миссис Паркер и спросила, где Рейчел, я как раз собралась готовить печенье с шоколадной крошкой и достала из буфета муку.

Мои родители (оба бухгалтеры) уехали на работу пятнадцать минут назад. Мне было почти тринадцать, летом в мои обязанности входило убирать дом и готовить обед. Обычный день в обычной семье.

Она не заболела? — с искренним беспокойством и без намека на досаду спросила миссис Паркер. *Температуры нет?*

Случилось несчастье, тут же подумала я.